

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
С О В Е Т С К И Й К О М И Т Е Т С Л А В И С Т О В

СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

(Прага, август 1968)

ДОКЛАДЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1968

Д. С. Лихачев

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК СИСТЕМА

Вводные замечания

Литература каждого народа в любой изучаемый период представляет собой целостную динамическую систему.

Под системой литературы я подразумеваю определенное соотношение ее частей между собой: видов литературы (переводной и оригинальной, церковной, исторической, естественнонаучной, публицистической и пр.), ее жанров, ее отдельных произведений. В понятие системы литературы входит, кроме того, и отношение литературы к другим областям культуры: к науке, религии, общественной мысли, различным искусствам, фольклору и пр. Наконец, к системе литературы относится и ее отношение к культурам и литературам других стран и народов. В конечном счете система литературы определяется ее отношением к исторической действительности, соотношением с которой составляет самую существенную часть системы.

Это внутреннее строение и соотношение с внешней, окружающей литературу средой явлений составляет органическое целое.

Система литературы, несмотря на то, что она находится в постоянном равновесии частей и соотношений, — не неподвижна. Она все время меняется — в отдельных собственных областях и по отношению к внешним ей явлениям. Тем не менее перманентно нарушаемое равновесие снова восстанавливается. Перед нами динамическое равновесие системы.

Литература как система не изучалась. Само понятие «системы» или «структуры литературы»¹ в науке отсутствовало. Тем не менее нельзя сказать, что современные историки литературы не имеют каких-то своих представлений о строении литератур. Уже одна раз-

¹ Понятия «система» и «структура» я употребляю альтернативно.

бивка «историй литератур» на главы и части выражает представления исследователей о строении литературы. Но эти представления по большей части невольно отражают состояние современной исследователям литературы, а не той, которую они изучают. Исследователи не придают особого значения принципиальным отличиям в строении литератур средневековых и нового времени. Они невольно модернизируют средневековую литературу. Между тем литературовед должен представить себе строение литературы изучаемого периода, не накладывая на эту литературу той или иной примитивной схемы, выработанной под влиянием современной исследователю художественной литературы. История литературы не есть только история авторов и их произведений, история общественных идей, выраженных в художественной форме, и история стилей, — это также и история меняющихся соотношений ее частей и взаимоотношений с внешними ей явлениями.

Анализируя строение литературы каждого данного периода, мы обязаны искать объяснения особенностей этого строения, изучать функции литературы и ее отдельных элементов. Нельзя ограничиваться голыми констатациями и формальным описанием структуры литературы. Внешние сходства и совпадения в строении литератур различных периодов могут иметь не только различное происхождение, но и различные функции. Они могут быть различны по значению, по своей сути, несмотря на внешнее сходство.

В данном докладе я ограничусь только древнейшим периодом славянских литератур — IX—XIII вв., так как структура литератур все время меняется и изучение этих изменений должно представлять собой особую задачу, решение которой будет возможно только тогда, когда будут изучены структуры отдельных периодов, условно рассматриваемые как неизменяемые.

Я не ограничиваюсь одной какой-либо из древнеславянских литератур, а беру целую группу восточнославянских и южнославянских литератур, представляющих собой некоторое единство; их структуры на этом древнейшем этапе не могут быть рассмотрены по отдельности, изолированно друг от друга, так как их соотношения также представляют собой систему. Единство национальных литератур — явление более позднего времени (наступление этого времени в каждой из славянских литератур определяется различно). Однако в основном я сосредоточиваю внимание на древнерусской литературе, памятники которой сохранились хотя и не полно, но сравнительно разнообразно. Древнерусская литература служит в докладе как бы примером тех явлений, которые свойственны и другим, тесно друг с другом связанным системными взаимоотношениями древнеславянским литературам.

Анализ структуры древнеславянских литератур начнем с рассмотрения вопроса об их отношениях к литературам иноязычным и об их взаимоотношениях друг с другом.

Явления литературной трансплантации

Взаимоотношения литератур между собой обычно рассматриваются только в трех отношениях: в отношении общности и родства происхождения, в отношении «влияния» одной литературы на другую и в отношении типологических сходств и различий между ними. Тем самым круг вопросов, подлежащих исследованию, не только ограничен, но и весьма неточно ориентирован.

В самом деле. Под общностью происхождения и родством литератур по большей части имеют в виду общность происхождения и родство народов, о литературах которых идет речь, а не самих литератур; под понятие же «влияния», как это мы увидим в дальнейшем, подводятся порой самые различные явления. Что же касается до традиций и типологических сходств, то и здесь не выработаны еще основные термины и не произведена систематизация входящих сюда явлений.

Остановимся прежде всего на вопросе о влияниях в средневековых литературах.

Взаимодействие литератур — явление, свойственное всем ступеням их развития. В этом взаимодействии выстраиваются их своеобразные черты, и в этом же взаимодействии они могут постепенно стираться и отмирать.

Различные влияния одной литературы на другую — одно из проявлений жизни литератур. Литературы живут, взаимодействуя, и формы этого взаимодействия бесконечно разнообразны. При этом типы взаимодействия литератур являются частью их структуры: структуры, в которую они входят, и структуры, которую они развивают внутри самих себя.

Древнеславянские литературы в IX—XIII вв., как и всякие иные литературы, складывались при участии других литератур.

В последние годы появилось довольно много работ, характеризующих переводную литературу древней Руси, литературные взаимоотношения Руси с славянскими странами, устанавливающих периодизацию византийского и южнославянского влияния в древней Руси. Я имею в виду работы В. Велчева², Б. Ангелова³, Д. Петканова-Тотева⁴, Н. А. Мещерского⁵, Н. К. Гудзия⁶,

² В. Велчев. Българи и руси в светлинама на движението за славянско единство.— «Исторически преглед», год V, 1948—1949, кн. 4.

³ Б. Ст. Ангелов. К вопросу о начале русско-болгарских литературных связей.— ТОДРЛ, т. XIV, 1958.

⁴ Д. Петканова-Тотева. Книжовни връзки между България и Русия през Средновековието.— «Език и литература», год XIII, кн. 5.

⁵ Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.— ТОДРЛ, т. XX, 1964; о и же. Искусство перевода Киевской Руси.— ТОДРЛ, т. XV, 1958.

⁶ Н. К. Гудзий. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы.— «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960.

И. П. Еромина ⁷, В. А. Мошина ⁸, В. П. Адриановой-Перетц ⁹, В. Д. Кузьминой ¹⁰, Д. С. Лихачева ¹¹ и др.

В каждой из этих работ есть стремление не только устанавливать факты, но и обобщать их — создавать общую картину литературных взаимоотношений стран православного юго-востока и востока Европы. Но проблема определения самого типа влияния иноязычных литератур на славянские и взаимовлияния славянских литератур в широком плане не поставлена.

Влияния одной литературы на другую могут быть различных типов. Типы влияний в литературах тесно связаны с типами влияний культур в целом. Литературные влияния лишь часть влияния культур друг на друга. Это особенно относится к литературам средневековым. Типы влияний в литературах повторяют типы влияний общекультурных.

Культурные влияния могут осуществляться в различных областях и различными путями с разной степенью проникновения в глубь и в суть культуры. Один тип влияний испытывают культуры на начальных этапах своего развития, другой — на зрелых. Влияние может захватывать только материальную культуру или и духовную тоже. Оно может распространяться путем непосредственных бытовых контактов населения — там, где они соседят, путем торговли, завоевания, общения религиозного, книжного и т. д. Обмен культурными ценностями на начальных этапах жизни народов совершается на «коротких расстояниях»; в дальнейшем, с развитием высокой духовной культуры, расстояния начинают играть все меньшую роль и культурные связи преодолевают огромные пространства, переносятся через промежуточные государства и разделяющие народы моря и страны. Наконец, влияние может быть обоюдосторонним и односторонним и встречное влияние может быть другого характера, чем влияние основное.

Рассмотрим в качестве примера влияния, которые действовали в древнерусской культуре.

Влияния, испытанные древнерусской культурой на начальных этапах ее формирования, были различны по своему типу, хотя они и были одновременны.

⁷ И. П. Е р о м и н а. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв.— «Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь, 1963)». М., 1963.

⁸ В. А. М о ш и н а. О периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963.

⁹ В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Древнерусские литературные памятники в югославянской письменности.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963.

¹⁰ В. Д. К у з ь м и н а. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси.— ТОДРЛ, т. XVIII, 1962.

¹¹ Д. С. Л и х а ч е в. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России.— «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960.

Могут быть отмечены пять основных направлений культурных влияний на восточных славян. Одно из влияний шло с Юга — от Византии. Оно не явилось внезапно, а было развитием тысячелетних связей с северочерноморской греческой культурой в Восточноевропейской равнине. Другое влияние было гораздо менее длительным и шло со скандинавского Севера. Со стороны юго-восточных степей давало себя знать воздействие степных народов, с Запада — влияние западных славян и германских народов, которое было более разнообразно, пестро и сравнительно более высоко по своему типу.

Влияние финнов и степных народов на Русь было слабым и в основном по своему типу очень архаичным. При этом культурное общение со степными народами и финнами было обоюдосторонним и в основном мирным. Оно не принимало сложных форм и не поднималось до высокого уровня духовного общения, было прежде всего бытовым, «неосознанным» и не встречало идейного сопротивления.

Чтобы был ясен самый факт существования разных типов влияний, кратко остановлюсь на различиях между влиянием византийским и скандинавским. Византийское влияние поднималось до сравнительно совершенных форм общения высокоразвитых духовных культур. На Русь влияла византийская литература, изобразительное искусство и архитектура, искусство прикладное, политическая мысль, естественнонаучные воззрения и, конечно, богословие. На Русь была перенесена церковная организация; русское государство подражало наиболее высоким формам государственной организации Византии; Русь частично воспринимала придворный этикет и отдельные приемы управления.

Другим было влияние Скандинавии. Оно было по своему типу ближе к влиянию на Русь степных народов, чем к влиянию Византии, хотя и отличалось все же от влияния степных народов, выходило за пределы бытового общения. Помимо материальной культуры, оно сказалось в военном деле, в государственной жизни и в экономике. Но во всех этих областях оно было более поверхностным и менее определенным, чем влияние Византии.

Покажу различие влияний византийского и скандинавского на одном чисто литературном примере. В древнейшей из дошедших до нашего времени русских летописей — «Повести временных лет» — представлен и византийский слой источников, и скандинавский. Византийский слой — это прежде всего тщательно, точно и художественно выполненные отрывки из византийских исторических сочинений: хроник и житий святых в первую очередь. Эти отрывки свидетельствуют о сложных исторических идеях и о широком охвате мировой истории, ставшей через них доступной русскому читателю. Совсем другой характер носят скандинавские источники той же летописи — так называемые «варяжские предания». Несмотря на то, что они были подвергнуты обстоятельному

исследованию в ряде работ проф. А. Стендер-Петерсеном¹² и Е. А. Рыдзевской¹³, стоявших на совершенно различных позициях, многое в них остается неясным и спорным; их скандинавские источники по большей части неизвестны; в некоторых случаях трудно определить, возникли ли эти скандинавские источники в самой Скандинавии или в варяжской среде на Руси; в ряде случаев их скандинавское происхождение вообще может быть оспорено. Такая неопределенность вызвана их фольклорной аморфностью. Несмотря на высокие художественные достоинства сюжетов «варяжских преданий» с точки зрения заключенных в них исторических представлений, они относятся к совершенно другой, более архаичной стадии исторического сознания, хотя фактически одновременны в «Повести» с византийскими источниками.

Скандинавский слой «Повести» архаичен. Напротив, византийский слой стоит на уровне современной «Повести» европейской культуры. Между скандинавским влиянием и византийским такое же стадияльное различие, как между фольклором и литературой.

* * *

Следует сделать и еще некоторые общие замечания.

Ход развития исторической науки ведет нас ко все большему и большему признанию роли внутренних законов в развитии страны, ее государства и культуры. Иностранное влияние оказываются действительными только в той мере, в какой они отвечают внутренним потребностям страны. Прогресс исторической науки заставляет нас все внимательнее относиться к внутреннему смыслу событий. При этом внешние воздействия постепенно раскрываются перед нами в их глубоком, органическом значении. Внешние воздействия оказываются явлениями внутренней жизни страны и народа.

Разумеется, внутренние потребности страны могли удовлетворяться как изнутри, так и извне. Византийское влияние проводилось и представителями местной культуры, и самими греками, которые шли навстречу потребностям славянских стран и самой Византии одновременно (в тех, конечно, случаях, когда они совпадали). Нользя поэтому думать, что местные черты существовали

¹² A. S t e n d e r - P e t e r s e n. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. Köbenhavn, 1934; о н ж е. Varangica. Aarhus, 1953; о н ж е. Das Problem der ältesten byzantinisch-nordisch-slavischen Beziehungen.— В сб. «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche», vol. III. Firenze, 1955; о н ж е. Varägerspprgsmålet,— «Viking», Bd. XXIII. Oslo, 1959 и др.

¹³ Е. А. Р ы д з е в с к а я. К варяжскому вопросу.— «Известия Академии наук, VII серия, Отделение общественных наук», 1934, № 8. В Ленинградском отделении Архива Института археологии АН СССР имеется рукопись незаконченной работы Е. А. Рыдзевской (Е. А. Рыдзевская погибла во время блокады Ленинграда) «Варяжские предания Начальной русской летописи» (около 10 печ. листов).

только в искусстве местных мастеров: приезжие мастера-греки также могли вносить в свое искусство местные черты под влиянием требований, которые к ним предъявлялись в той стране, где они работали. То же самое нужно сказать и о переводчиках: они могли быть и местными (и по большей части так и было, поскольку переводы требовали превосходного знания языка, на который переводы делались), но не исключена возможность существования переводчиков-греков.

Наконец, следует отметить, что отношения влияющей и испытывающей влияние сторон могли быть весьма сложными. Активное отношение той страны, на которую влияли, могло сопровождаться и частичными проявлениями неприязни, стремлением освободиться от этого влияния, борьбой за свою независимость. Русская летопись дважды называет греков «льстивыми» (лживыми), митрополит киевский Иларион оспаривает в своей знаменитой проповеди о «законе и благодати» превосходство греческой церкви над русской и т. д.

Внутренние потребности, которые вызвали византийское влияние в IX—XI вв., охарактеризованы мною в книге «Возникновение русской литературы» (М.—Л., 1952). Сейчас подчеркнем одну особенность этих внутренних потребностей культуры: они сказываются сильнее и определеннее в переносе целого, чем в переносе отдельных элементов культуры, ее единичных проявлений. Создание той или иной рукописи памятника, того или иного перевода, переделки, свода исторических или природоведческих сочинений может быть вызвано случайными причинами: переездом того или иного лица, частными потребностями монастыря, индивидуальными склонностями заказчика и писца, — но в явлениях массового характера, повторяющихся, связанных друг с другом, всегда сказываются общие потребности

* * *

Дело, однако, не только в том, что существуют разные типы влияния: не все явления византийского воздействия на Русь могут быть вообще подведены под термин «влияние». Можем ли мы говорить, что византийская религия «повлияла» на русскую, что византийское православие оказало «влияние» на русское язычество? Конечно, нет! Византийское христианство не просто «повлияло» на религиозную жизнь русских, — оно было *перенесено* на Русь. Оно не изменило, не преобразовало язычества, — оно его заменило. Можем ли мы так же говорить о том, что византийская литература «повлияла» на русскую литературу в начальном этапе ее формирования? Дело было, несомненно, сложнее. Византийская литература не могла повлиять на русскую литературу, так как последней попросту не было. Был фольклор, была высокая культура ораторской речи, но письменных произведений до появления у нас

переводных произведений не было. Влияние начинается позднее, — когда перенос уже совершился.

Недостаточность термина «влияние» может быть показана и на ряде других областей византийского воздействия. Во многих случаях поэтому правильнее говорить не о «влиянии» отдельных культурных явлений Византии, а о *переносе* этих явлений. Перенос этот был, однако, весьма своеобразен. Он не был механическим, и им не кончалась жизнь явления. На новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты.

Поясню это на примере переводных произведений. Перенос литературного произведения в средние века был связан с продолжением его литературной истории, с появлением новых редакций, иногда с приспособлением его к местным, национальным условиям. Византийское произведение в результате этого оказывалось в известной мере произведением местной, национальной литературы.

Конечно, не все переводные произведения изменялись в равной степени. Не менялись или менялись сравнительно незначительно сочинения церковно-канонические, богослужебные, освященные строго установленными и устойчивыми формами церковной жизни. От переводчиков и переписчиков требовалась собачья точность (*ἀκριβεια*) в отношении памятников патристической литературы, литургических, церковно-канонических. Текст этих памятников менялся сравнительно мало. Произведения повествовательные и исторические изменялись в гораздо большей степени. Кроме того, существовали переводные произведения, связь которых с византийским оригиналом постоянно осознавалась и текст которых поэтому изменялся на славянской почве не только под воздействием местных условий, но и в результате новых обращений переписчиков к византийскому оригиналу. В. А. Мошин прекрасно показал такого рода изменения текста на примере славянского перевода Синодика¹⁴. Значительно раньше это же было продемонстрировано В. П. Адриановой-Перетц на примере Жития Алексея Человека Божия¹⁵.

Все изложенное позволяет выделить категорию явлений культурного воздействия Византии, в которых мы должны видеть не проявления «влияния», а проявления *трансплантации* византийской культуры на славянскую почву. Явления пересаживаются, трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах.

Не только отдельные произведения, но целые культурные пла-

¹⁴ В. А. Мошин. Сербская редакция Синодика в поделку православия. Анализ текстов. — «Византийский временник», т. XVI. М., 1960.

¹⁵ В. П. Адрианова. Житие Алексея Человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917.

сты пересаживались на русскую почву и здесь начинали новый цикл развития в условиях новой исторической действительности: изменялись, приспособлялись, приобретали местные черты, наполнялись новым содержанием и развивали новые формы. Их жизнь мало чем отличалась от жизни местных произведений — разве только своею большею сложностью в связи со вторичными воздействиями греческих оригиналов.

Явление трансплантации было возможно потому, что большинство культурных явлений и произведений русского средневековья не имело окончательного вида. Памятник жил в каждую эпоху, принимая новые формы и наполняясь новым содержанием. Он был подобен растению, меняющемуся под влиянием климатических и новых природных условий¹⁶.

Показатель нового времени — появление иных тенденций в жизни старых произведений. В новое время старое произведение оберегается от изменений. Оно консервируется, а порой и «реставрируется», если оно все же подвергается каким-то изменениям. Работа ренессансных филологов, стремящихся к восстановлению первоначального вида памятника, — показатель появления нового исторического сознания. В России этому в известной мере соответствует появление «исправления книг» в XVI и XVII вв.

Стремление сохранить культуру в старых формах или даже восстановить эти старые формы, реконструировать их — явление нового времени, нового исторического сознания. Напротив, продолжение жизни старой культуры в новых формах, трансплантация культуры — явление типичное для средневековья. Трансплантация позволяет росткам старой культуры самостоятельно, творчески развиваться на новой почве. Она ведет к появлению местных черт и местных вариантов трансплантируемой культуры. Это явление чрезвычайно важное для образования и формирования новых культур: признак их «молодости» и жизнеспособности.

Культурное влияние Византии в славянских странах являлось частным случаем этой трансплантации византийской культуры и ее отдельных памятников и явлений. Влияние в общем — это явление, как мы уже сказали, более позднее. Оно представляет собою воздействие, приводящее к изменению уже сложившихся форм и содержания. Влиянию предшествует и затем сопровождает его трансплантация.

Из изложенного ясно: нельзя механически делить древнерусскую литературу (а с ней вместе и другие древнеславянские литературы) на «оригинальную» и «переводную». Это деление годилось бы для литератур нового времени с их устоявшимися текстами. В древнеславянских же литературах дело было сложнее. Так называемая «переводная» литература была органической частью

¹⁶ См.: Д. Л и х а ч е в. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 53—94.

национальных литератур; она не имела четких границ, отделяющих ее от литературы «оригинальной». Переводчики и писцы по большей части были соавторами и соредакторами текста. Текст переводных произведений жил так же, как и текст оригинальных. Вместе с тем он сложно соотносился с оригиналом, с которого был сделан перевод. Переводный памятник участвовал в общем развитии литературы, которая его приютила, реагируя на изменения идеологии и литературных вкусов новой среды.

Отсутствие четких границ между литературами оригинальной и «переводной» (мы ставим это слово в кавычки, чтобы показать условность этого термина) объяснялось также, как мы увидим в дальнейшем, «ансамблевым строением» большинства произведений литературы, где могли соединяться и оригинальные и «переводные» части.

Деление древнеславянских литератур на две главные части — оригинальную и переводную — произведено с нашей современной точки зрения и модернизирует средневековую литературу. Что же касается до внутренних свойств самого литературного материала, то в древнеславянских литературах более важным были, может быть, некоторые другие принципы выделения отдельных разделов литературы, к одному из которых мы сейчас и обратимся.

Древнеславянская литература-посредница и славянская рецензия (редакция) византийской культуры

К явлению трансплантации близко примыкает еще одно явление, на которое мы должны обратить внимание, изучая общие формы византийского влияния. Это — образование некоторой общей для всех стран южного и восточного славянства литературы-посредницы. Термин «литература-посредница» не нов в литературоведении. Обычно под литературой-посредницей понимают национальную литературу, которая передает другой национальной литературе в своих переводах и обработках памятники третьей национальной литературы. Я предлагаю распространить этот термин и на те наднациональные литературы, которые существовали на священно-ученых языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите и пр. Эти литературы создавались сразу во многих странах, были общим достоянием этих стран, служили их литературному общению. При этом их литературное посредничество — не их побочная функция, а основная. Произведения, написанные на том или ином из священных и ученых языков, входили в единый фонд памятников, объединяемых этими языками стран, и участвовали в создании литератур на национальных языках. Это были общие литературы ряда стран, имевшие исключительно важное межнациональное значение.

Та же наднациональная единая литература-посредница существовала и у южных и восточных славян. Она обладала своим надна-

циональным церковнославянским языком, общим для всех южнославянских и восточнославянских литератур фондом памятников и единой литературной судьбой, единым литературным развитием.

Общий для всех южных и восточных славян фонд памятников отличался своеобразием. Он не был уменьшенным повторением византийской литературы.

Основной фонд этой литературы складывался из переводных памятников. Важно поэтому в первую очередь охарактеризовать эту переводную литературу. Попытка такой характеристики сделана И. П. Ереминым для Киевской Руси. И. П. Еремин обратил внимание на то, что в своем составе переводная литература древней Руси не соответствовала составу византийской литературы того же времени. Следуя К. Крумбахеру, И. П. Еремин так характеризует византийскую литературу XI—XII вв.: «Возрождается интерес к античности — античной философии, античной художественной прозе и поэзии. В области историографии — ведущей отрасли византийской литературы — даже в языке, в стилистике сказывается подражание древним образцам (*μιμησις τῶν αρχαίων*); одни историки следуют Фукидиду и Полибию, другие — Геродоту и Ксенофону. Возникает светская сатира в манере диалогов Лукиана из Самосаты («Гимарион»). В поэзии начинают культивироваться античные жанры и метрические размеры. Дальнейшее развитие получает и в стихах и в прозе любовный роман. Не только светские, но и церковные авторы (Евстафий Фессалоникийский и др.) деятельно занимаются комментированием древних поэтов и драматургов — Гомера, Гесиода, Пиндара, Аристофана, Менандра. В Константинополе — крупнейшем центре византийской философской и богословской мысли — предметом тщательного изучения наряду с отцами церкви становятся Аристотель и Платон. В эпоху окончательного разделения церковей, восточной и западной, в новый этап своего развития вступает и церковная литература — экзегеза, полемика и пр. Рядом с «книжной» литературой с конца XI в. начинает формироваться литература демократическая на народном (*γλώσσα δημόδης*) разговорном языке. Этот широкий размах общественно-литературного движения в Византии XI—XII вв. для древней Руси того же времени прошел, однако, бесследно. Ни один из более или менее заметных византийских авторов этой эпохи переведен не был, даже самый выдающийся из них — Михаил Пселл (1018—1078), богослов и философ, историк и филолог, оратор и поэт. «Житие Андрея Юродивого» анонимного автора X—XI вв. и «Толкования на слова Григория Назианзина» Никиты Ираклийского — экзегета второй половины XI в. — вот, кажется, и все, что знал древнерусский читатель XI—XII вв. о современной ему византийской литературе»¹⁷.

¹⁷ И. П. Еремин. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв. — В сб. «Славянские литературы. Доклады

И. П. Еремин утверждал: «Доступный нам материал свидетельствует, что древней Руси XI—XII вв. современная ей византийская литература была совсем не известна или почти не известна»¹⁸.

Отсутствие активного интереса к современной византийской литературе в Болгарии и на Руси в IX—XII вв. И. П. Еремин объяснял тем, что «знакомство с нею требовало осведомленности, которой еще не доставало» в древнерусском и древнеболгарском обществе¹⁹. Далее И. П. Еремин писал: «Даже беглый обзор переводной литературы показывает, что болгарские и древнерусские книжники этого времени, отбирая для перевода материал, ориентировались преимущественно на авторов IV—VI вв., на классиков греческой церковной литературы»²⁰.

Затем И. П. Еремин спрашивал: как назвать ту «литературную продукцию» II—VI вв., которая стала предметом особого внимания болгарских и древнерусских книжников: «ранневизантийской» или «древнехристианской»? Современную этим переводам византийскую книжность И. П. Еремин рассматривает как посредницу, через которую «на Русь и в Болгарию периодически вливались все новые и новые памятники классического наследия раннехристианской письменности»²¹.

Концепция И. П. Еремина не лишена полемических заострений и некоторой упрощенности. Он предполагает, что все переводчики — в какой бы стране они ни работали — сознательно и единомысленно ограничивали себя только древнехристианской письменностью²².

И. П. Еремин писал, что «болгарские и древнерусские книжники, отбирая материал для перевода, обходили современников сознательно, по каким-то соображениям принципиального характера. Каким же? Ответить на этот вопрос, — утверждает И. П. Еремин, — нетрудно... Начинать надо было не с конца, а с начала. Надо было обращаться к «первоисточникам», шаг за шагом освоить долгий путь, византийской литературой давно пройденный»²³. Иными словами, И. П. Еремин предполагает у переводчиков сложные представления о стадильности в развитии культуры и единую для всех переводчиков сознательную концепцию, согласно которой стадильное развитие византийской литературы должно было быть повторено славянскими литературами. Первые произведения византийской литературы («древневизантийской» или «раннехристианской») И. П. Еремин считает более простыми и более приспособленными для восприятия славянскими читателями.

советской делегации. V Международный съезд славистов» София, сентябрь, 1963). М., 1963, стр. 6.

¹⁸ Там же, стр. 5.

¹⁹ Там же, стр. 8.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 11.

²² Там же, стр. 8.

²³ Там же.

При всей важности наблюдений И. П. Еремина объяснение его мне представляется не совсем правильным. Я не думаю, что сочинения Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Великого и его брата Григория Нисского, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Елифания Кипрского, Исидора Пелусиота, Исихия Иерусалимского, Кирилла Скифопольского и других были значительно более просты для понимания, чем сочинения авторов IX—XII вв. Не думаю, что, выбирая их для переводов, славянские книжники сознательно учитывали их специфичность для пачала литературного развития и предполагали необходимость повторять путь развития византийской литературы.

Преобладание в составе переводной литературы произведений «древнехристианских» или «ранневизантийских» должно быть объяснено, как мне представляется, вовсе не тем, что современная переводам византийская литература была мало доступна новообращенным народам. Объяснение лежит в том, что переводились в первую очередь произведения канонические и церковно-авторитетные, без которых не могла существовать церковная жизнь. К ним добавлялись сочинения общемировоззренческого характера — по всемирной истории и природоведческие: Хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, Христианская топография Косьма Индикоплова, Шестоднев, многие апокрифы, патерики, сборники изречений и т. д. На основе византийской литературы составлялись сочинения комцилятивного характера, составлялись сочинения, необходимые в условиях новой, христианской культуры славян. Нельзя при этом сказать, чтобы вся эта создаваемая в славянских странах литература была совсем чужда современной ей византийской литературе. Отметим, например, что сочинения Климента Охридского отличались сложными особенностями поздневизантийского ораторского стиля.

Более правильной, чем у И. П. Еремина, и, в известной мере, более полной является характеристика славянской переводной литературы, сделанная И. Дуйчевым на двенадцатом Международном конгрессе византистов в Охриде (1961 г.). В своем содокладе по докладу Р. О. Якобсона «The Slavic Response to Byzantine Poetry» И. Дуйчев дал развернутую картину всей переводной литературы южного и восточного славянства, не отделяя, впрочем, ту часть переводной литературы, которая была общей для всех южных и восточных славян, от переводов, которые вошли только в одну из славянских литератур. Так же, как и И. П. Еремин, он подчеркивает значение раннехристианской литературы (по преимуществу патристической), называя ее предвизантийской («prébyzantin») ²⁴ и причисляя ее к наследству, усвоенному византийской культурой от предшествующего времени.

²⁴ Ivan Dujčev. Rapport complémentaire.— Actes du XIIe Congrès International d'Études Byzantines. Ochride, 10—16 septembre, 1961. Beograd, 1963, p. 412.

Однако И. Дуйчев не ограничивает переводную литературу этой «предвизантийской» эпохой, показывая разнообразие воспринятых славянами памятников: предвизантийских и византийских, греческих и иноязычных (поскольку византийская культура была многоязычной), церковных и светских, ортодоксальных и еретических, канонических и апокрифических.

Литература-посредница требует, однако, особой характеристики. В литературу-посредницу входила не вся переводная литература, поскольку отдельные переводы (их, впрочем, не так уж много) были известны только в одной из славянских стран. Вместе с тем в нее входили и отдельные памятники местных литератур, получившие распространение за пределами своего возникновения — в других славянских странах. Литература-посредница состоит в значительной своей части из переводной литературы и частично из сочинений, возникших на национальной почве.

Насколько велик был общий слой памятников в литературах южных и восточных славян, показывает сравнительный анализ состава письменных памятников двух длительно и традиционно славившихся библиотек: Рыльского монастыря — для южных славян и Соловецкого монастыря — для восточных. В библиотеке Рыльского монастыря в рукописях древнее XVII в. до 90% памятников общи всем славянским литературам. В библиотеке Соловецкого монастыря тот же слой памятников в тех же хронологических пределах занимает в книжных собраниях несколько меньшее место — до 75%.

Конечно, подсчеты эти условны, так как не всегда можно точно определить, имеется ли перед нами в рукописи один компилятивный памятник или несколько самостоятельных. Тем не менее приведенные цифры показательны. Они демонстрируют, в частности, что восточнославянские литературы энергичнее южных развивали в себе слой памятников местного, национального значения.

В целом литература-посредница, состоявшая из сочинений переводных, компилятивных и оригинальных, отличалась удивительной цельностью и, в известной мере, полнотой. Рассматривая эту литературу-посредницу как некоторое единство, необходимо отметить ее близость к византийской культуре, несмотря на отклонения в отборе и наличие отчетливо выраженного местного слоя. Эта литература-посредница не была филиалом византийской литературы, но она, несомненно, была филиалом византийской культуры. Она принадлежала византийской духовной культуре. Поэтому мы можем говорить, что литература-посредница являлась как бы частью редакции или рецензии византийской культуры.

Я убежден, что конкретные исследования состава этой общей для всех южных и восточных славян письменности и ее развития покажут отличительные черты ее как единого целого и помогут тем самым выяснить «принципы ее отбора». Но уже сейчас можно сказать, что отбор делался не в Византии, а в самих славянских стра-

нах и определялся он не столько составом современной византийской литературы, сколько потребностями славянских стран. Это был процесс освоения-борьбы, где действовали силы притяжения и отталкивания. К созданию литературы-посредницы привлекались не только памятники греческие, но и переводы с древнееврейского²⁵, латинского²⁶, сирийского²⁷.

Несмотря на то что греческого посредства при переводе памятников с этих языков не было, их необходимо рассматривать как часть славянской рецепции византийской культуры, ибо они все же происходили из многоязычной Византии и отвечали духу этой культуры. Трансплантировались не разрозненные сочинения, а именно культура с присущими ей религиозными, эстетическими, философскими, правовыми представлениями. В славянских странах на основе трансплантированных и своих собственных памятников происходил процесс формирования особой литературы, общей для всех южных и восточных славян, а на первых порах частично и западных. В процессе формирования этой литературы-посредницы происходил отбор памятников из разных стран, и эти памятники становились достоянием не одной какой-либо страны, а всех южных и восточных славянских стран. Это было тем более легко, что сама византийская культура и у себя на родине отличалась многонациональным характером, причем в сложении ее сыграли выдающуюся роль и славяне.

В создании славянской литературы-посредницы первостепенное значение имели болгары, но не одни они: фонд общеславянской литературы пополнялся переводами и произведениями, созданными на Руси, в Сербии и т. д. На основе византийских сочинений составлялись собственные, славянские сочинения компилятивного характера (например, Пролог). В фонд общей славянской литературы входили некоторые жития славянских святых, признанных во всех православных странах, лучшие проповеди (например, Кирилла Туровского).

Нельзя думать, что в общий состав славянской письменности включались только сочинения, так или иначе связанные с церковью. Славянские переводчики переводили произведения повествовательного и исторического характера, ставшие достоянием всех южно- и восточнославянских литератур. Эта единая славян-

²⁵ С древнееврейского были переведены в Киевской Руси книги Есфирь, книга «Иосиф» (Н. А. Мещеряков. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX, 1964, стр. 198 и сл. Здесь же о древнерусских откликах на кумранские тексты).

²⁶ А. И. Соболевский считал переведенными с латинского языка дошедшие в русских списках Гумбольдову легенду о Вячеславе Чешском, жития Витта, Аполлинария Равенского, Анастасии Римлянки и Хрисогона и ряд молитв (А. И. Соболевский. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб., 1910, стр. 43, 95 и др.).

²⁷ С сирийского оригинала была, по-видимому, переведена Повесть об Акире Премудром.

ская литература обладала, как уже было сказано, и единым языком.

Говоря о литературе-посреднице, необходимо учитывать, что она существовала не сама по себе: она была частью культуры-посредницы. Отдельные прямые контакты между странами (в частности, прямые контакты между той или иной славянской страной и Византией) должны изучаться на фоне целого — того целого, которое представляет собой культура-посредница и вся система взаимоотношения стран в условиях существования этой культуры-посредницы. Культура-посредница южных и восточных славян также представляла собой своего рода «рецензию» (редакцию) византийской культуры. Любой частный случай контакта (переезд писателя или художника, перевоз или перенос иконы) совершался по потребностям и на фоне существования общей культуры-посредницы.

В состав славянской рецензии византийской культуры входили не одни только духовные ценности. Существовала общая церковная организация, общие центры славянского общения: Афон, монастыри Иерусалима, Синая, Константинополя, Салопик, впоследствии Болгарии и пр., общий состав духовенства, которое обслуживало на первых порах разные славянские страны и которое пересажало иногда из страны в страну. Кроме некоторой части духовенства, переезжали мастера, переводчики, книжные люди. Подвижной, как бы «кочевой» характер феодальной интеллигенции сохранялся очень долго — даже в XIV и XV вв. Он был типичен для средневековья, но не им одним определялось общение культур.

В работе «Константинополь и национальные школы в свете новых открытий» В. Н. Лазарев, говоря об «экспансии византийской художественной культуры», видит четыре пути этой «экспансии»: 1) «вывоз произведений прикладного искусства... икон и лицевых рукописей» из Византии, 2) «привоз на родину ездившими в Византию лицами... предметов византийского происхождения», 3) «непосредственный приезд греческих мастеров» и 4) «посылка в Константинополь, на Афон и в другие крупные церковные центры местных мастеров для повышения квалификации с последующим возвращением их на родину»²⁸. Не говоря уже о том, что нельзя различать как два самостоятельных явления вывоз из Византии в другие страны и привоз из Византии в эти же самые страны аналогичной группы произведений, позволительно усомниться, чтобы такое большое явление, как «экспансия» художественной культуры и появление местных школ, могло быть примитивно сведено к «вывозам», «привозам» и «переездам». Перевозы и переезды могут, конечно, иметь существенное значение в истории отдельных памят-

²⁸ В. Н. Л а з а р е в. Константинополь и национальные школы в свете новых открытий. — «Византийский временник», т. XVII, 1960, стр. 93—94.

щиков искусства; появление местных переводчиков и приезд книжников из других стран может объяснить особенности отдельных произведений письменности, но ни то, ни другое не может быть причиной и основой появления местных культур и школ, не может раскрыть сущности взаимоотношения культур и образования «национальных школ», которые в подобного рода «концепциях» в конечном счете рассматриваются только как результат порчи высоких традиций византийского искусства, его огрубения, утяжеления и приобретения им «ярко выраженной архаической печати»²⁹.

Но, отвергая примитивные представления о переездах и переносах как единственной основе византийского влияния, мы не должны закрывать глаза на типичную для средневековья подвижность интеллектуальной части феодального класса. Эта подвижность имела за собой общие основания в виде единой для всех южных и восточных славян церковной ориентации, наличия многочисленных центров общения славянства — монастырей Афона, Константинополя, Иерусалима и других, существования общего языка и в конечном счете общей культуры-посредницы.

Трансплантация отдельных форм, памятников и явлений этой культуры-посредницы (традиций мастерства, мировоззрения, церковной организации и пр.) регулировалась и определялась потребностями этой славянской рецепции византийской культуры в ее целом. Переезд, приезд и выезд мастеров в крупных масштабах регулировался потребностями церкви, культуры как целого. Если мастера-мозаичисты приехали в Киев из Византии для создания мозаик храма Софии, то это произошло потому, что в Киеве была христианская религия, связанная с Константинополем, был митрополит, назначенный Константинополем, была грамотность, начатки христианского просвещения, была паства, — т. е. была уже та культура-посредница, которая и определяла собой формы приятия византийской культуры. И так было всюду, где работали византийские мастера или мастера местные, но воспитанные на традициях византийского искусства. Местные же черты вносились в искусство тех и других под влиянием потребностей культуры-посредницы. В странах южных и восточных славян создавались не национальные школы византийского искусства, а единая славянская рецепция византийской культуры, и в пределах этой славянской культуры-посредницы — местные, национальные школы. Признавая это, мы не будем сбрасывать со счетов общения славян между собой, их единства. Славяне общались с Византией не один на один, а через посредство общей им всем промежуточной культуры, в создании которой громадная роль принадлежала болгарам, и в первую очередь — Кириллу и Мефодию, создателям общеславянской письменности и распространителям единого для всех право-

²⁹ Там же, стр. 102.

славных славян литературного языка—древнеболгарского в своей основе.

При этом следует иметь в виду, что воздействие Болгарии на другие славянские страны было воздействием только той части ее культуры, которая подверглась византизации. Нам ничего не известно о влиянии протоболгарских элементов на Русь, или элементов народной славянской болгарской культуры. Повторяю: болгарская культура влияла и «трансплантировалась» на Русь только в той ее части, которая представляла собой христианскую культуру-посредницу.

Русские пополняли своими переводами то, что они не находили в Болгарии, и обратно: русские переводы входили в фонд южнославянских литератур. Некоторые же памятники переводились и создавались совместно: так было, например, с Прологом. В этой совместной литературной работе с самого начала играли значительную роль указанные выше центры славянского общения³⁰.

Болгария дала Руси не только относительно полный комплекс богослужебных книг и книг, связанных с христианским мировоззрением, но она дала Руси литературный язык, на котором были написаны эти книги, и частично даже представителей церковной иерархии³¹.

Если мы в известной мере можем говорить о трансплантации моравских и чешских памятников на Русь, то эта трансплантация, независимо от того, в каком объеме мы ее будем признавать для XI—XII вв.³², так же как и болгарская трансплантация, осуществлялась в пределах византийско-церковной культуры.

Культура-посредница была посредницей между Византией и южными и восточными славянами и посредницей в культурном общении славян между собой. Это была культура славянская, по

³⁰ См.: И. Д у й ч е в. Центры византийско-славянского общения и сотрудничества.— ТОДРЛ, т. XIX, 1963.

³¹ А. А. Ш а х м а т о в. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни.— «Научный исторический журнал», 1914, № 4, стр. 42—52; о н ж е. Введение в курс истории русского языка, ч. 1. Пг., 1916, стр. 81—82.

³² См. различные взгляды на этот вопрос: Н. К. П и к о л ь с к и й. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры.— «К вопросу о древнейшем русском летописании», вып. 1. Л., 1930; В. М. И с т р и н. Моравская история славян и история Поляно-Руси как предполагаемые источники начальной русской летописи.— «Byzantinoslavica», т. III, 1931, стр. 308—331; т. IV, 1932, стр. 36—55; O l a f J a n s e n [R. Jakobson]. Český podíl na církevněslovenské kultuře.— «Co daly naše země Evropě a lidstvu». Praha, 1939, s. 11; А. И. С о б о л е в с к и й. Церковнославянские тексты моравского происхождения.— «Русский филологический вестник», 1900, т. 43, стр. 150—218; А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне.— «Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.)», т. I. Прага, 1935; о н ж е. Чешские струи в истории русского литературного развития.— «Славянская филология. Сборник статей», т. III. М., 1958, стр. 214—232; R. S t o l i n k a. K česko-ruským vztahům vr. 10. století.— «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», v. II, s. 2—4, 1953, s. 218—235.

которую можно рассматривать так же как славянскую редакцию (или «рецензию») византийской культуры.

Эта византийская культура за пределами Византии воссоздавалась на новой основе и в новых формах во всех этажах мысли и творчества. Славянская рецензия византийской культуры создавалась при этом, как мы уже отметили, не только на основе произведений, вышедших из Византии, и определялась она своими внутренними потребностями.

Трансплантация византийской культуры, как и всякая трансплантация, отнюдь не была механическим переносом ее в новые условия. Трансплантация культуры была связана с ее изменением, иногда очень существенным. Нельзя ставить знак равенства между византийской культурой у себя на родине и той византийской культурой, которая была трансплантирована в славянские страны. Элементы византийской культуры, трансплантированные в славянские страны, сильно модифицировали эту византийскую культуру, существовавшую у себя на родине. Византийская культура в славянских пределах была порождена византийской культурой, выросла на ее основе, но она не была ей тождественна. Славянская рецензия византийской культуры имела поэтому собственное лицо. Это было некоторое новое единство религии, воззрений на мир и на общество, литературы, живописи и архитектуры.

Посредничество этой особой культуры выступает особенно ясно там, где эта культура была связана с языком, и менее ясно там, где интернациональный язык искусства (живописи, архитектуры, прикладного искусства) позволял устанавливать и помимо этого посредничества прямые связи с Византией. Поэтому наивысшим показателем этой культуры-посредницы является входящая в нее литература. Посредническая роль литературы выступает в славянской рецензии византийской культуры особенно отчетливо. С помощью литературы-посредницы осуществлялось общение славянских литератур между собой. Созданные на славянской почве патерики, пролог, четьи минеи, отдельные сборники постоянного состава (торжественники, Златоуст), жития славянских святых, отдельные славянские слова, проповеди и молитвы (например, Кирилла Туровского) наряду с произведениями чисто переводного характера развивали в славянской среде богатства византийской духовной культуры и служили общению славянских литератур, обмену сюжетами, темами, мотивами и литературными приемами, способами художественного обобщения.

* * *

Каково было положение этой культуры-посредницы относительно местных народных культур отдельных южных и восточных славянских стран?

Для любого феодального общества характерно резкое разделение культуры верхов феодального общества и культуры народной,

при котором первая обладает наднациональными чертами. Положение этой феодальной культуры с чертами универсализма в известной мере аналогично положению в феодальном обществе их учено-религиозно-литературных языков. Средневековая латынь объединяла ряд стран Западной Европы. Классический арабский язык объединял страны халифата от Гибралтара и до границ Китая³³. Санскрит стоял над новоиндийскими языками в Индии, «вэньянь» — над китайскими диалектами и т. д. Перед нами определенная закономерность: феодализм развивает письменные языки, объединяющие ряд стран, ряд этнических образований. Но этим дело не ограничивается: эти письменные, наднациональные языки существуют на основе такой же наднациональной, общей для ряда стран культуры, типичной чертой которой является ее связь с религией.

«Язык, — пишет Н. И. Кошрад, — не только орудие общения и совместной деятельности, но и материальное выражение интеллектуальной общности данного коллектива»³⁴. Наличие общего для всего восточного и южного славянства языка — показатель наличия общей культуры. Несмотря на появление местных рецензий этого языка, он существует как целое и даже продолжает развиваться как целое, свидетельствуя тем самым о наличии общения между славянскими народностями: общения по преимуществу письменного, но тем не менее достаточно действительного.

Положение церковнославянского языка относительно местных славянских языков во многом совпадает с положением общеславянской литературы-посредницы относительно местных славянских литератур. Этот язык и эта литература были связаны с религией в первую очередь, это были язык и литература верхушки феодального общества по преимуществу, они были наднациональны, и они служили делу посредничества между славянскими литературами между собой и связывали всех их вместе с Византией.

Роль и значение церковнославянского языка были аналогичны роли и значению языков латинского и арабского. Отличие, однако, состояло в том, что церковнославянский язык не был языком материнской культуры подобно языку арабскому или латинскому, а был языком особым. Византийская культура была представлена в славянских странах не греческим языком, а языком, близким для всех славянских стран, хотя все же приподнятым над народными, не сливавшимся с ними. Поэтому славянская рецензия византийской культуры была ближе к народным культурам славянских стран, чем культуры латиноязычная и арабоязычная.

Очень рано в южнославянских и восточнославянских странах

³³ Отсылаю к статьям: А. Н. Б о л д ы р е в. Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества. — «Вопросы языкознания», 1956, № 4; о н ж е. Из истории персидского литературного языка. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

³⁴ Н. И. К о ш р а д. Запад и Восток. М., 1966, стр. 499.

стали появляться местные формы литературы верхов феодального общества, местные памятники, имевшие только национальное значение и не переходившие из страны в страну. В Киевской Руси появляется летописание, никак не связанное ни по своей форме, ни по своим идеям с византийской исторической литературой, появляется политическое ораторство, связанное с местными политическими заботами, местные формы житийной литературы и пр. Эти местные памятники и формы литературы переходили из одной славянской страны в другую с гораздо большим трудом, чем памятники, ближе примыкавшие к византийской литературе.

Слабее, чем литературу Киевской Руси, представляем мы литературу болгарскую — ее местные, национальные отличия. Ведь болгарская книжная культура, как мы уже говорили, повлияла на Русь и трансплантировалась в русские пределы не целиком, а выборочно: в своей византийско-христианской части по преимуществу.

Известен спор, возникший между Н. К. Гудзием и П. Н. Диневым³⁵, о том, была ли древнеболгарская литература исключительно церковной. Мне представляется, что прав П. Н. Динев, утверждающий, что древнеболгарская литература обладала значительной национально-исторической частью. Ошибка Н. К. Гудзия заключалась в том, что он характеризовал древнеболгарскую литературу по ее сохранившейся части, а сохранилась она по преимуществу в рукописных хранилищах России и частично в сербских списках, так как рукописное наследие в самой Болгарии было в значительной мере истреблено турецким завоеванием³⁶ и деятельностью в XVIII и XIX вв. господствующего греческого духовенства, боровшегося с болгарским духовенством и болгарской письменностью. Рукописное наследие Болгарии сбереглось большей частью в древнерусском отборе. И это опять-таки литература определенного склада: церковная и «естественнонаучная» по преимуществу, так как местные болгарские темы мало интересовали читателей других стран.

Оригинальная болгарская литература представлена была на Руси сочинениями Кирилла и Мефодия, Климента Охридского, Константина Преславского, Иоанна экзарха Болгарского, Козьмы Пресвитера, черноризца Храбра и др. Но это все была литература «славянской рецензии византийской культуры» — литература-посредница, не имевшая прочного национального приращения, обладавшая способностью отвечать потребностям других славянских стран.

³⁵ П. Д и н е в. Основи черти на старата българска литература, — «Литературна мисъл». 1959, 1; Н. К. Г у д з и й. Литература Киевской Руси и древнейшие инославянские литературы. — Сб. «Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике. Доклады советских ученых на IV Международном съезде славистов». М., 1960, стр. 25—26.

³⁶ Впрочем, об этом же пишет Н. К. Гудзий в уже цитированном выше своем докладе, стр. 31.

Местные школы (зодчества, живописи, ремесла, литературы и т. п.) не должны рассматриваться как местные школы византийского искусства. Местные школы живописи и ремесла были местными школами рассматриваемой нами славянской культуры-посредницы. Они были частью целого, и их отношения с соответствующими формами византийской культуры не были независимы друг от друга. Они не осуществлялись по отдельности, «в розницу». Даже тогда, когда может быть прослежено непосредственное влияние византийского культурного явления на ту или иную славянскую страну, внешне минуя культуру-посредницу, — все же это влияние определяется и формируется последней — ее характером, ее требованиями и нуждами. Отдельные проявления совершаются в недрах общего, имеют общую почву, некую «среду».

В русской форме ремесла, живописи, зодчества, литературы отражались в значительной мере общие всем формам культуры местные, национальные особенности. Так же точно единое целое представляли собой и местные особенности всех форм сербского и болгарского искусства и литературы.

* * *

Рассматриваемый в данном докладе период (X—XIII вв.) был периодом наиболее интенсивного и наиболее характерного существования культуры-посредницы.

Характер отношений местных славянских культур к культуре Византии и взаимоотношений между отдельными славянскими культурами в недрах славянской рецензии византийской культуры постоянно менялся, развивался.

В. А. Мошин пишет: «...история литературных взаимовлияний между южным и восточным славянством представляется не в виде прямолинейного непрерывного процесса одинакового общего развития, а в виде сменяющих одна другую волн влияния с одной и другой стороны — волн, которые в отдельные исторические моменты вызывали оживление литературной деятельности на Руси и на Балканах на базе нового комплекса идей и литературно-художественных понятий, из которых рождались новые литературные движения и направления»³⁷.

Сменяющие друг друга «волны» представляли собой не только колебания количественного порядка: колебания нарастания и спада интенсивности влияний. Менялся и самый характер взаимоотношений.

Вслед за веками установления единой славянской литературы-посредницы — в XIV и первой половине XV в. перед нами период всеохватывающего умственного течения, приведшего к образова-

³⁷ В. М о ш и н. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, т. XIX, 1963, стр. 29.

нию нового стиля в литературе, новых течений богословской мысли, новых явлений в монастырской жизни и т. д.

Последний период — это период византийского влияния уже после падения Византии. Влияние в этот период преобладает над трансплантацией. Здесь перед нами разрозненные воздействия, сохранение традиций, получение литературного материала из отдельных монастырей и других центров южнославянской и византийской культуры.

Влияния, шедшие из южнославянских земель и греческих монастырей, смешивались со спорадически возникавшими обращениями к старой византийской традиции, с влияниями, приходившими с Запада, с общим накоплением гуманистических традиций с XIV в., о которых столь убедительно писали в ряде своих статей М. П. Алексеев³⁸, А. И. Клибанов³⁹, И. Н. Голенищев-Кутузов⁴⁰ и многие другие.

Каковы бы, однако, ни были отдельные этапы взаимоотношения славянских литератур с византийской, существование общей для всех славянских стран Южной и Восточной Европы единой славянской литературы-посредницы придавало особый характер взаимоотношениям славянских литератур между собой и с византийской на последнем этапе их общения. Общая для всех южных и восточных славян литература-посредница не только облегчала развитие отдельных влияний и воздействий, но и способствовала творческому преодолению византийских форм, появлению национальных черт в национальных славянских культурах.

Одна из важнейших задач изучения структуры славянских средневековых литератур — это изучение этой литературы-посредницы. Здесь необходимо в первую очередь определить состав литературных памятников, общих для всех южно- и восточнославянских литератур. Необходимо изучить изменения этого состава по векам и пути общения, приведшие к образованию общего фонда ее памятников. Необходимо больше внимания уделить исследованию церковнославянского языка не только в его национальных видоизменениях, но и в его исторически изменяющемся единстве, и языковому общению славянских народов.

³⁸ М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958; он же. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII века. — «Славянская филология. Сборник статей», т. I. М., 1958, стр. 275—330.

³⁹ Список работ А. И. Клибанова по этим вопросам довольно велик. Приведу лишь основные: А. И. Клибанов. У истоков русской гуманистической мысли (Исторические традиции идеи равенства народов и вер.). — «Вестник истории мировой культуры», 1958, кн. 2; он же. К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности. — ТОДРЛ, т. XIII, 1957.

⁴⁰ И. Н. Голенищев-Кутузов. Гуманизм у восточных славян (Украина и Белоруссия). — «Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963.

В этих исследованиях литературоведам и языковедам должны помочь историки исследованиями центров славянского общения и той исторической действительности, которая создала почву для появления славянской рецензии византийской культуры.

Только на основе конкретных исследований обнаружится и то самобытное, что развила каждая славянская культура в отдельности в своих собственных недрах.

Жанры и виды древнеславянских литератур

В системе литературы первенствующее место занимает система жанров. Жанры находятся между собой в определенном, отнюдь не случайном соотношении. Это своего рода «растительная ассоциация», в которую включаются в совместное существование различные породы, виды, особи. Каждая эпоха имеет свое соотношение жанров, меняющееся в зависимости от изменения функции литературы, от того или иного литературного направления (в тех случаях, когда литературные направления уже появились)⁴¹, от «стиля эпохи» и пр.

Системе жанров мною посвящена особая работа⁴². Нет необходимости повторять ее содержание. В данном докладе я обращусь лишь к той стороне жанровой системы, которая особенно важна для характеристики системы древнеславянских литератур в ее целом. Прежде всего напомним о том, что жанры выделялись в древнеславянских литературах по несколько иным признакам, чем в новой литературе. Главным было *употребление* жанра, та «практическая цель», для которой предназначался жанр. Церковные жанры (жития, проповеди, поучения, песнопения) имели те или иные функции в церковном обиходе. С определенными функциями в политической жизни страны были связаны и вновь возникшие в русской литературе жанры. Летописи предназначались для дипломатической практики, в которой исторические справки всегда играли очень большую роль. Описания хождений в другие страны служили практическим целям паломничества не в меньшей мере, чем для папидательного чтения⁴³. Определенные «деловые» цели имели послания. Произведений, предназначавшихся просто для занимательного чтения, было сравнительно немного.

Другая особенность: обилие и многообразие этих жанров. Особенность эта стоит в несомненной связи с первой: с разнообразием

⁴¹ См. об этом: Д. С. Л и х а ч е в. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 67—83.

⁴² Д. С. Л и х а ч е в. Система литературных жанров древней Руси.— «Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963); М., 1963; о н ж е. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 40—66.

⁴³ См.: В. В. Д а н и л о в. О жанровых особенностях древнерусских «хождений». — ТОДРЛ, т. XVIII, 1962.

потребностей в них и употреблением в различных областях церковной и государственной жизни.

При всей многочисленности жанров все они находятся в своеобразном иерархическом подчинении друг у друга: есть жанры главные и второстепенные, жанры, объединяющие другие произведения и входящие в состав этих больших объединений. Литература своим жанровым строением как бы повторяет строение феодального общества с его системой вассалитета-сюзеренитета.

В этом сложном жанровом строении литературы главная роль принадлежала своеобразным жанрам-«ансамблям».

Произведения группировались в громадные ансамбли: летописи, хронографы, четы-минеи, патерики, прологи, разного вида падеи, разного вида сборники устойчивого и неустойчивого содержания.

Ансамблевый характер житий был подчеркнут В. О. Ключевским: «Житие — это целое архитектурное сооружение, напоминающее некоторыми деталями архитектурную постройку»⁴⁴. Аналогична и даже более сложна структура летописи, хронографа, степенной книги, временника, торжественника и др. Ясно, что структура произведений древнерусской литературы глубоко отлична от современных. При этом несомненно и другое: художественная структура произведений древнерусской литературы допускала сосуществование в них различных художественных методов, связанных с этими жанрами. Произведения древнерусской литературы «наращивались» произведениями других жанров и других эпох со своими художественными методами. При этом перед нами были не только «наращивания», но и переработки, оставлявшие следы предшествующих стадий.

Одна из самых важных задач изучения русской литературы XI—XVII вв. — выяснить условия сосуществования разных жанров и разных художественных методов, ибо самое объединение разных произведений происходило не без участия художественных требований. «Своды» древнерусской литературы были и сводами художественных методов. Стили и методы выступали в древнерусской литературе массивами, захватывая «участки» произведений или отдельные жанры.

Понятие «произведения» было более сложно в средневековой литературе, чем в новой. Произведение — это и летопись, и входящие в летопись отдельные повести, жития, послания. Это и житие в целом, и отдельные описания чудес, «похвалы», песнопения, которые в это житие входят. Поэтому отдельные части произведения могли принадлежать к разным жанрам, а так как в средние века художественный метод был тесно связан с жанром произве-

⁴⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. II. М., 1908, стр. 321.

дения, то произведение в отдельных своих частях могло быть написано различными художественными методами.

При каких условиях сосуществовали в одном «ансамблевом» произведении разные художественные методы? Все ли методы могли сосуществовать друг с другом? Происходило ли это сосуществование на основе контрастов или на основе гармонии и сходства отдельных методов? Все это вопросы крайне важные, на которых необходимо будет остановиться будущим исследователям. Но уже сейчас можно сказать, что контрасты и противопоставления играли в древнерусской литературе очень большую роль. Они же имели единственное значение в зодчестве и живописи⁴⁵. Возможно поэтому, что различные художественные методы входили в более общее явление, в котором использовалась в художественных целях самая игра на сопоставлениях и противопоставлениях отдельных художественных методов.

Переходя от произведения к произведению, даже от одной части произведения к другой, написанной в другом жанре и стиле, читатель как бы следовал по некоторой пышной анфиладе, бесконечно углубляясь в ритмическое чередование ее частей или отдельных полусамостоятельных произведений, долженствовавших порадовать его мудростью и грандиозностью мироустройства, мудростью и сложностью совершающегося в мире, внушить ему мысль о бренности его земного существования. В житии святого автор внушает читателю в предисловии мысль о невыразимости всей святости святого, затем ведет его в строго хронологическом порядке по всем ступеням его героического совершенствования; после заключительной похвалы святому автор описывает в отдельных частях его посмертные чудеса и заканчивает сообщением текста служб и молитв святому. Все эти части разностильны и разножанровы, иногда принадлежат различным авторам и даже написаны в различные эпохи, но все они объединены в единый ансамбль и подчинены единой задаче — прославить святого, внушить молитвенное настроение читателю, удивить его святостью и силой веры.

Ансамблевый характер древнерусских произведений создает благоприятные внешние условия для появления и породных для традиционных художественных методов элементов реалистичности. С аналогичными явлениями мы сталкиваемся и в изобразительном искусстве. На фоне крайне условных изображений мы можем встретиться с отдельными выразительными деталями, создающими иллюзию действительности, психологически верными движениями.

По существу тот же ансамблевый характер носило и изобразительное искусство. Иконы собирались в ансамбли, в ансамбли же

⁴⁵ Ср. то, что пишет М. В. Алпатов о византийском искусстве: «Самая структура византийского искусства такова, что в нем сосуществовало несколько разнородных стилевых направлений, точнее, различных форм художественного мышления» (М. В. Алпатов. Этюды по истории русского искусства, т. 1. М., 1967, стр. 32).

объединялись фресковые изображения. То и другое смотрелось не с неподвижных точек зрения, а как бы в движении. Живопись была обращена к зрителю, идущему или окидывающему взором вокруг себя все пространство или поочередно разглядывающему клейма.

Тот же принцип ансамбля, причем ансамбля, часто соединяющего разнородные и разновременные части, характерен и для архитектуры — особенно древнерусской. Архитекторы заботились о создании парадных въездов в город, мыслили градостроительными масштабами, подчиняли свои постройки широким градостроительным идеям. В Киеве строительная деятельность Ярослава Мудрого создала ансамбль въезда от Золотых ворот и до Софии и Десятинной церкви. Сходный с киевским ансамбль был создан и во Владимире: от Золотых ворот и до Успенского собора. Как это прекрасно показано Н. Н. Ворониным, градостроительный ансамбль Владимира начинался далеко за пределами самого Владимира — у церкви Покрова, встречавшей плывущего во Владимир ⁴⁶.

Все, что пишет об этом Н. Н. Воронин, находит себе точное подтверждение в основном эстетическом кодексе древнеславянских литератур — «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, откуда черпали свои эстетические идеалы древнерусские читатели и значение которого еще недостаточно определено в научной литературе. В начале главы, посвященной дню шестому, Иоанн Экзарх описывает в «Шестоднев», как разворачивается перед рядовым зрителем анфилада стросний, как подходит он ко двору, входит в ворота, видит по обе стороны стоящие храмы, входит во дворец, в его высокие палаты и церкви, украшенные камнем, деревом, красками («шаром»), золотом и серебром, как он видит, наконец, и самого князя, окруженного придворными в драгоценных, пышных одеждах. Князь и его окружение в их сверкающих одеждах, золотых гривнах, поясах и обручах на руках служили как бы заключительным аккордом этой архитектурной композиции ⁴⁷. Искусство Византии, восточных и южных славян стремилось прежде всего поразить зрителя, читателя или слушателя величием, торжественностью, воздействовать на воображение рядового человека, создав чувство дистанции между ним, богом и князем. Произведения зодчества должны были контрастировать обыденной застройке, «слам-

⁴⁶ Н. Н. Воронин пишет: храм Покрова «являлся как бы «архитектурным предисловием», за которым открывался белокаменный ансамбль Боголюбовского замка и далее — стольного Владимира. Широта архитектурной мысли владимирского князя и его зодчих была сродни замыслам великого новгородского мастера Петра, создавшего на подступах к Новгороду соборы Антониева и Юрьева монастырей» (Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-восточной Руси XII—XV веков, т. 1 (XII столетие). М., 1961, стр. 299).

⁴⁷ Шестоднев, составленный Иоанном экзархом болгарским. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года. М., 1879, стр. рге об. и ргс.

ным» хижинам смердов в сельской местности, жилищам ремесленников в городе, окружающей природе. Искусство должно было контрастировать обыденной жизни, как таковой.

То же самое и в литературе: произведения литературы должны были выделяться среди обычной, деловой письменности своим языком (церковнославянским), своим стилем (витийственным), возвышенностью и «этикетностью», церемониальностью изображения.

Из сопоставлений литературы с изобразительным искусством и архитектурой отчетливо выступает важная сторона ансамблевого строения литературы: соединение литературных произведений по анфиладному принципу — это не только результат внешних условий существования литературы (слабости авторского начала и слабости стремления к сохранению первоначального текста, позволявшей бесконечно варьировать и комбинировать отдельные произведения), но и важный эстетический принцип средневековья. В этом эстетическом принципе сказывается стремление к созданию величественных и обширных произведений, к возможно полному охвату всего разнородного материала, игра на контрастных сопоставлениях больших «масс», корпусов, со всеми присущими им индивидуальными чертами.

Искусство, и в его составе — литература, было в значительной мере рассчитано на официальные церемонии, предназначалось для оформления богослужений, торжественных процессий, занимало очень большое место в укладе монастырской жизни и т. д. Произведения архитектуры, живописи, литературы торжественно разворачивались поэтому по анфиладному принципу, «нанизывались» одно к другому. Само произведение искусства было своего рода «процессией»: будь то летопись, житие, или четьи-минеи, пролог, паея, хронограф.

Всякая жанровая система — динамическая система, система, находящаяся в состоянии подвижного равновесия. При этом степень устойчивости отдельных жанров и их сочетаний в этой системе различна. Поскольку церковная жизнь консервативна, жанры, употребляемые в церковном обиходе, и их сочетания отличаются наибольшей устойчивостью. Жанры же, связанные с государственной жизнью, меняются и развиваются вместе с развитием и самой государственной жизни. Так, например, с развитием иностранных сношений единого централизованного государства появляется жанр статейных списков — сперва документальный, а затем приобретающий и некоторую литературную самостоятельность, а в начале XVII в. породивший даже свой чисто литературный жанр «подложных статейных списков»⁴⁸.

Во всяком случае следует отметить тот факт, что наиболее неустойчивой частью жанровой системы является та ее часть, кото-

⁴⁸ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, 1955.

рая развивается под воздействием чисто местных, национальных потребностей. Так, в XI и XII вв. в древнерусской литературе появляется целый ряд произведений, жанровая принадлежность которых трудно определима и которые вместе с тем чрезвычайно тесно связаны с русской действительностью.

В самом деле, уже одно из первых произведений древнерусской литературы, ответившее на некоторые потребности политики Ярослава Мудрого, — «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона — отступает в своих жанровых признаках от традиционной формы церковных торжественных слов. Это торжественное слово в соединении с политической речью. Иларион утверждает в этом произведении право молодого народа на политическую и церковную самостоятельность. Произведение это не имеет себе аналогий в древней русской литературе. Оно «единично», стоит особняком.

Особняком стоит и «Поучение» Владимира Мономаха. Это своеобразное политическое завещание, обращенное ко всем русским князьям. И не случайно первый издатель его — граф А. И. Мусин-Пушкин — назвал его «духовной грамотой», завещанием. Но других подобных духовных мы не знаем. Не имеет аналогий и его автобиография, а также письмо к Олегу Святославичу. Все три произведения чрезвычайно тесно связаны с нуждами и потребностями русской действительности, и все они написаны с нарушением жанровых канонов. Не случается также спор и вокруг того, к какому жанру следует отнести «Слово о полку Игореве». Одни считали его «героической песнью» (первые издатели)⁴⁹, другие — «воинской повестью» (А. С. Орлов)⁵⁰, третьи — «былиной XII века» (А. И. Никифоров)⁵¹, четвертые — «торжественным словом» в честь Игоря Святославича (И. П. Еремин)⁵². Распространено наименование его «поэмой» и т. д. Я лично отмечал его близость к плачам и славам в честь князей. Но, конечно, четких определений того, что представляет собой «Слово о полку Игореве», не может быть дано. «Слово», как и многие произведения XI—XIII вв., единично в своих жанровых признаках. Также единично и близкое в некоторых отношениях к «Слову о полку Игореве» «Слово о погибели Русской земли». Не имеет жанровых аналогий в древнерусской литературе и «Моление Даниила Заточника».

Характерно, что жанровой нечеткостью отличаются по преимуществу выдающиеся произведения. Литература именно в этих нечетких в жанровом отношении произведениях приобретает нацио-

⁴⁹ «Ироиическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича». М., 1800.

⁵⁰ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1938, стр. 22.

⁵¹ А. И. Никифоров. «Слово о полку Игореве» — былина XII в. Тезисы диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1941.

⁵² И. П. Еремин. Литература древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 144—163.

нальные черты, отражает действительность, указывает на ее недостатки. Литература формируется через произведения «из ряда вон выходящие» в буквальном смысле этого слова — из ряда жанрового, во всяком случае.

Итак, древнерусская литература состоит из произведений, составляющих очень сложную (иерархическую и ансамблевую) жанровую систему и имеющую разную степень «жесткости» в отдельных своих частях.

Наибольшей степенью «жесткости» отличаются части, принадлежащие литературе-посреднице, наименьшей — национальной части литературы.

Древнеславянские литературы и фольклор

Взаимоотношение литературы и фольклора было в средневековье иным, чем в новое время. В новое время фольклор отличен от фольклора средневековья средой своего распространения. Это словесное искусство трудового народа. Фольклор если и не носит классово однородный характер (различные идеологические пласты русского фольклора XVIII—XX вв. постоянно отмечались в советской фольклористике), то все же в целом по преимуществу принадлежит трудовому народу. Для представителей господствующих классов фольклор служит в новое время лишь дополнительным и в известной мере чужеродным явлением: особым по своим идеям, особым по языку, образной системе, художественным средствам. Разумеется, фольклор привлекается в литературу, особенно реалистического направления, для ее «оживления», для придания ей своеобразного, народного колорита, для выражения народности и при необходимости выразить сочувствие народу. Иными словами: даже и при своем привлечении в литературу фольклор воспринимается как в известной мере чужеродный, посторонний литературе элемент, но тесно связанный со своей, народной средой. Ощущение особого характера тех или иных элементов фольклора в литературе — необходимый компонент его использования писателем. Обращение к фольклору в литературе нового времени всегда носит более или менее сознательный характер, оно входит в художественный замысел произведения. Это использование инородного художественного материала, при котором сознание чужеродности, особого происхождения этого материала не утрачивается. Таким образом, в новое время фольклор и литература в некоторой степени противостоят друг другу.

Иное в средние века: здесь фольклор не только по-другому противостоит литературе, но и дополняет ее. Рассмотрим, в чем это состоит.

В древнейший период истории славянства фольклор не ограничен социально: он живет во всех слоях населения. Мы имеем свидетельства об исполнении устных музыкальных и словесных про-

изведений на пирах у князей и вельмож, при похоронах князей («плачи»). Этим свидетельствам немого, так как фольклор не обращал на себя внимание как нечто исключительное, но их все же достаточно, чтобы судить о том, что фольклор не был ограничен какой-либо средой. Фольклорные произведения исполнялись и слушались во всех слоях и классах общества. Мы имеем признаки того, что в древней Руси существовали исторические произведения, славы и плачи, пословицы, поговорки, произведения шутливые и произведения, связанные с языческими обрядами. Можно допустить, что существовали сказки (письменных свидетельств о них не сохранилось, но сами по себе сказки несут следы очень древнего происхождения) и лирические песни. Фольклор, очевидно, был представлен в своих жанрах не менее полно, чем в новое время, но, может быть, обладал и некоторыми жанрами, которых в более позднее время не сохранилось вследствие социального ограничения фольклора и отмирания язычества. Во всяком случае, в новое время нет свидетельств о существовании славы и песни в честь героев, о которых упоминает Я. Длугош⁵³ и признаки существования которых есть в летописи и в «Слове о полку Игореве». Это была относительно полная система удовлетворения потребностей в словесных художественных произведениях. «Относительно полная» — так как в ней не оказалось средств для удовлетворения потребностей новой религии. Фольклор был и остался если не языческим, то по крайней мере не христианским. Христианство было первой областью духовной жизни человека, которая не могла обслуживаться фольклором. В дальнейшем же намечаются и некоторые другие области: область сложного исторического знания, требовавшего не эпического обобщения истории, а точных сведений о тех или иных событиях и точной хронологической их приуроченности, затем область публицистики, область науки и т. д.

Следовательно, в отличие от нового времени, фольклор существовал во всех слоях общества, но в средние века в высших слоях общества он уже не мог удовлетворять всех потребностей в художественном слове. Удовлетворению этих новых потребностей высших, образованных слоев общества стала служить литература. В отличие от нового времени литература не удовлетворяла во всех потребностей в художественном слове, а только те из них, которые не мог удовлетворить фольклор.

Отсюда понятно, почему в древнеславянских литературах была слабо развита лирика. Потребность в ней во всех слоях общества обслуживалась фольклором. Лиричность была в высшей степени свойственна литературе, но она не составляла в ней отдельной области. Письменной лирической поэзии не было, так как существовала устная лирическая поэзия, распространенная во всем

⁵³ А. В. Соловьев. Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве». — «Исторические записки», 1948, № 25, стр. 48.

обществе — от низу до верху. То же мы можем сказать и о всех формах развлекательной литературы. Развлекательность была по преимуществу представлена фольклором, — в частности, сказкой. Правда, развлекательность была в известной мере свойственна и древнейшему периоду славянских литератур, но по преимуществу в ее переводной части. Сюда, в переводную литературу, она также проникала с трудом: переводились те произведения развлекательной литературы, которые принимались за познавательные: Александрия, Девгениево Деяние, апокрифы и пр. Развлекательность существовала в литературе, но не в виде отдельной области со своими жанрами, не занимала в ней признанного и «законного» места, а существовала как бы подспудно.

Таким образом, если в новое время фольклор и литература — это две более или менее независимые друг от друга области, обслуживающие две различные среды, то в средние века — это тесно спаренные области. Если в новое время литература и обращается к фольклору, то как к чему-то лежащему вне нее, самостоятельному. В средневековье же обе системы (фольклора и литературы) несамостоятельны друг относительно друга. Особенно эта несамостоятельность выражается в литературе. Система жанров литературы дополняется рядом фольклорных жанров. Литература целиком не может еще удовлетворить всех потребностей в художественном слове. Христианская религия и публицистические потребности, возросшее историческое сознание и начатки научных представлений ищут своего художественного выражения в письменности. Однако потребность в лирике, в оформлении художественным словом еще не порвавшего целиком с язычеством быта — не могут удовлетворяться письменностью. Именно благодаря этому литература должна восполняться фольклором, но она мало с ним смешивается.

Постаремся коротко объяснить это явление. Прежде всего следует заметить, что систематические записи фольклора до XVII в. в южно- и восточнославянских литературах отсутствуют. В этих записях нет пужды, так как фольклор не воспринимается как нечто редкое или исчезающее. Фольклорные произведения распространены больше, чем произведения литературные. Скорее поэтому можно было бы ожидать, что литературные произведения передавались в какой-либо форме изустно, но свидетельств (прямых или косвенных) об этом не сохранилось. Записи фольклорных произведений начинают делаться только тогда, когда между литературой и фольклором намечается в сфере их распространения социальная дифференциация, когда фольклор уходит из городов, становится в городе редкостью и когда он уходит из высших слоев общества. Тогда появляются не только записи, но и стремление выразить свои лирические чувства в подражаниях фольклорным песням. Таковы песни, записанные, или, вернее, написанные, в XVII в. П. А. Квашинным-Самариным. Не случайно, что Кваш-

пип-Самарин был представителем высшего класса общества: он пишет свои фольклорные песни, так как фольклорная лирика в XVII в. уходит из боярской и дворянской среды, но еще не заменилась лирикой книжной. Для выражения своих любовных чувств он обращается к привычным формам народной лирики.

Отсутствие более или менее точных записей фольклора в древнейших южных и восточных славянских литературах объясняется еще и следующей причиной. Язык литературы и фольклора, их стилистический строй были резко отличны друг от друга. По-видимому, казалось невозможным просто записать устное произведение, сделать его письменным, не меняя его формы. Этого не мог допустить литературный этикет⁵⁴. Устное произведение можно было только переизложить. Но тут возникает вопрос: что вообще могло быть записанным из того, что было произнесено устно. Записывались в кратком виде речи послов, речи, произнесенные перед битвой (ободрения воинам), исторически значительные слова, произнесенные историческими лицами. Если речи содержали народные сентенции (поговорки и пословицы), эти последние сохранялись и попадали в летопись, исторические повести, жития. В переизложении летописца использовались для исторической информации сказания, исторические песни и былины. В этом случае исторический эпос как бы «просеивался» через представления летописца о том, что он считал заслуживающим внимания. Наконец, в сокращенном виде в литературное произведение могли попадать слова плачей. Летописец или агиограф, сообщая об оплакивании князей народом, «цитировал» и слова этого оплакивания; он придавал им (в некоторой их части) документальное значение. Одним словом, фольклор отражался в летописи в той же мере, в какой он мог восприниматься со своей очень ограниченной документальной стороны в представлении древнего книжника. В русской литературе отразился не только русский фольклор, но и иноязычный: скандинавский⁵⁵ и половецкий⁵⁶. Условия этого отражения те же: использовалась по преимуществу информационно-«документальная» сторона фольклора.

⁵⁴ О литературном этикете см. Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. М.—Л., 1967, стр. 84—108.

⁵⁵ Литературу см. выше, на стр. 10.

⁵⁶ М. Д. Присьелков. Летописание Западной Украины и Белоруссии.— «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та, серия ист. наук». Л., 1941, вып. 7, стр. 9—11 (половецкая песнь об Алтунопе); другие следы половецкого эпоса в Ипатьевской летописи под 1151 г. (в рассказе о смерти Севенча Боняковича), под 1185 г. (в рассказе о споре Юнчака с ханом Кзой), под 1201 г. (известная легенда о траве евшан). См. также «Повести временных лет» под 1114 г., лопарский рассказ о маленьких оленях, выпадающих из туч и разбегающихся по земле; в Ипатьевской летописи под 1217 г. приводится венгерская поговорка («острый мечю, борзый коню — многа Русь»), под 1215 г. приводится прусская поговорка («можете ли древо поддържати сулицами»); знание литовской мифологии отчетливо сказывается в той же Ипатьевской летописи под 1252 г.

Но между фольклором и литературой в средневековье следует отметить не только разграничения. Между ними есть генетическая связь. Многие традиционные образы, сравнения, метафоры и символы восходят к общим корням — и в письменности, и в народном творчестве. Благодаря этому общие художественные приемы и общая система образов оказываются не только между фольклором и литературой одной народности, но и разных народностей. Этот общий материал может роднить переводную литературу и оригинальную, Библию и славянский фольклор. В фольклоре и литературе рассыпаны многочисленные традиционные сравнения всего идеального и доброго со светом, а злого и враждебного с тьмой. И в фольклоре, и в литературе обычны уподобления действительности морю, человеческой судьбы — кораблю, волнений — волнам. В фольклоре и литературе мутная вода — печаль, символ горя — шатающееся или увядающее растение, символ горящей женщины — жалобно поющая птица, героя — орел (или сокол, кречет, ястреб у славян) и т. д.⁵⁷

Показательны давшие сравнения образной системы летописи и народной поэзии, проводимые А. Н. Робинсоном. И в летописи, и в народной поэзии одинаковыми приемами подчеркивается несметное количество врагов. И в летописи, и в эпосе одинаковы уподобления осаждающего город врага лесу. И тут, и там, враги идут, как дикие звери. Одинаково говорится о «столе» земли под тяжестью врагов. Одинаковы сравнения войска врагов с темной тучей. В исторических повестях и в эпосе одинаково говорится о том, что стрелы в ожесточенном сражении летят, как дождь, оружие тупится и его не хватает в битве. Голос героя в литературе и в эпосе сравнивается с трубой трубящей. И в воинских повестях, и в эпосе панцирь сияет на герое, как солнце; от крови в сражении текут реки; трунами замощена земля; количество поверженных врагов так велико, что и коно пельзя «скочить» по земле. Битва одинаково сравнивается с панней, с током, на котором молотят хлеб цепами; вошсы секут людей, как траву; побитые враги падают, как снопы. И в письменности, и в народной поэзии битва сравнивается с пиром⁵⁸ и т. д.

Отдельные образы, формулы и художественные приемы роднят с фольклором такое необычное с точки зрения своей жанровой природы произведение, как «Слово о полку Игореве». Образы и формулы народной поэзии смогли пропикнуть в такие нетрадиционные по жанру произведения, как «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», в отдельные пассажи летописи.

⁵⁷ См. подробнее: В. П. Андрианова - Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947.

⁵⁸ Примеры взяты из статьи А. Н. Робинсона «Фольклор» в томе II «Истории культуры древней Руси», под ред. П. Н. Воронина и М. К. Каргера (М.—Л., 1951, стр. 154—161).

В целом литература и фольклор в эпоху средневековья соотносились между собой как два объема, имеющих некоторую общую часть, но в остальном ведущих самостоятельное существование, причем различие в этом самостоятельном существовании состояло в том, что фольклор целиком удовлетворял эстетическим потребностям трудового народа в художественном слове, а литература охватывала только те области, которые превышали возможности фольклора. В сфере потребностей верхов феодального общества литература и фольклор дополняли друг друга, объединяясь в единую систему.

Древнеславянские литературы и изобразительные искусства

Расстояние, отделяющее литературу от других искусств, было короче в древнеславянских культурах, чем в новое время. Вместе с тем и границы между отдельными искусствами не были так четко определены, как они определяются в более поздние эпохи. Это объяснялось прежде всего своеобразным синтезом искусств в пределах христианской религии. Христианское богослужение объединяло архитектуру (поскольку богослужение по большей части происходило в храме), музыку (музыка была широко представлена в богослужении), живопись (иконы, фрески и мозаики входили важным составным элементом в убранство храмов) и искусство слова (гимнография, все формы богослужебного чтения, монастырского и индивидуального чтения и пр.).

В коротком докладе невозможно рассмотреть достаточно детально все аспекты отношения словесного искусства к другим видам искусств. Остановимся только на одной области: на отношениях литературы к изобразительным искусствам — к иконам, фрескам и мозаикам.

Примеры отношения отдельных конкретных произведений словесного и изобразительного искусства между собой известны. В свое время я писал об отношении «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона к изображениям на стенах храма Софии⁵⁹. Проповедь Илариона могла иллюстрироваться изображениями, находящимися тут же в храме. Т. Н. Михельсон писала об отношении росписей храма Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря к «Акафисту Божьей матери»⁶⁰. Примеры других конкретных связей произведений искусства словесного и изобразительного многочис-

⁵⁹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945, стр. 30—35.

⁶⁰ Т. Н. Михельсон. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста.— ТОДРЛ, т. XXII («Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в древней Руси», 1966, стр. 144—164. Там же многочисленные примеры связи отдельных произведений живописи и литературы.

лешны. В настоящем докладе меня интересуют только общие формы связи этих двух искусств — формы, имеющие непосредственное отношение к структуре литературы.

Изобразительное искусство все было посвящено общим с письменностью сюжетам и темам. Оно рассказывало и изображало то, что так или иначе было связано с темами письменности: сюжеты и персонажи Ветхого и Нового заветов, житий святых, религиозных сказаний, притчей и пр. Текст лежал в основе многих произведений изобразительного искусства. С другой стороны, произведения живописи часто становились объектами литературных произведений: сказания об оживающих изображениях (сказание о фреске Пантократора в куполе Новгородского Софийского собора, Повесть о посаднике Шиле, повесть «О чудном видении Спасова образа Мануила, царя греческого», Сказание о Новгородской воряжской божнице и пр.), многочисленные сказания об иконах, переносившихся с места на место (их десятки в литературах южных и восточных славян), предводительствующих войсками, так или иначе принимающих участие в событиях. Объектами литературных произведений становились и произведения зодчества: рассказы о построении монастырей, храмов, крепостей, об их поновлениях, восстановлении и разрушениях.

Говоря о связи изобразительных искусств и письменности, необходимо отметить существование многочисленных пограничных между тем и другим произведений... Текст «Сказания о князьях владимирских» вырезан на престоле Ивана Грозного, использован как орнамент, соединен с изображениями эпизодов этого сказания. Житийные иконы и фрески в церквях сопровождаются написанным текстом: более или менее сокращенным, кратким, но тем не менее играющим существенную роль в изображении. Необходимо отметить также многочисленные иллюстрации в древнерусских рукописях и постоянно встречающиеся надписи в произведениях искусства. Слово и изображение были теснейшим образом слиты. Этого требовала сама условность изобразительного искусства: изображение было знаком, близким к тому роду знака, который представляло собой слово, письменная речь. Литература и изобразительное искусство в одинаковой мере пользовались общей системой символов и аллегорий, общими приемами реализации метафор и общими образами. И в литературе и в живописи многое не изображалось, а только обозначалось, сокращалось до степени геральдического знака⁶¹.

Специфика отдельных искусств (в том числе и искусства слова) в средние века выражена слабее, чем в новое время, — одновременно сильнее, чем в новое время, сказывается общность всех искусств, их объединенность единым «стилем эпохи». Развитие стиля эпохи

⁶¹ О геральдичности изображений в литературе см. подробнее: Д. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 33.

облегчалось отсутствием четких границ между литературой, другими искусствами, естественнонаучными знаниями, общественной мыслью и пр., открытостью всех форм культуры и их проникнутостью эстетическим началом. Эстетическое начало давало себя знать в естественнонаучных сочинениях (в «Шестоднев», например), в религии, в обрядовом оформлении быта и пр.

Что же такое этот «стиль эпохи»? Мы довольно хорошо знаем теперь один из таких стилей эпохи — барокко. Барокко объединяет едиными стилиобразующими моментами зодчество, скульптуру, прикладное искусство, живопись, музыку, литературу. Во всех этих областях могут быть определены одни и те же стилистические явления. Это относится даже к философии и общественной мысли, поскольку и в них участвует элемент искусства. Литература, выявившая барокко во всех формах культуры, огромна. Однако другие стили эпох сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Я бы хотел лишь указать, что романский стиль (или «романеск»; в Англии он называется «норманнским»), так же как и барокко, охватывает не только зодчество, но и живопись, прикладное искусство и имеет явно ощутимые соответствия в литературе. Этот стиль объединяет собой не только Западную, Южную и Северную Европу. Он очень близок тому стилю, который господствовал в Византии и в странах, испытывавших культурное влияние Византии. Особенную близость выказывает ранний период этого стиля (до середины XI в.). В целом он нуждается в своем определении, в четком наименовании, в рассмотрении всех своих стилиобразующих элементов и в выявлении этих стилиобразующих элементов в разнообразных областях человеческой культуры, начиная с V в., для Западной и Южной Европы, для южных славян, начиная с IX в., а для восточных — с конца X в.

То, что мною в свое время было названо в литературе «стилем монументального историзма» X—XIII вв., обнаруживает свое несомненное родство с одновременным ему монументальным стилем в зодчестве и живописи. Он же может быть отмечен в «естественнонаучных» сочинениях, в стилистических явлениях политической и общественной мысли той же эпохи. Во всех этих областях господствуют одинаковые приемы «сокращения» огромного предстоящего человеку мира, превращения мира в геральдический знак божественной воли, монументализм, стремление воздействовать на человека размерами, четкими соотношениями крупных масс, торжественностью, парадностью изображаемого, стремление «преодолевать время», противопоставляя вечную сущность временной суете, сочетать симметрию целого с подчиненной ей асимметричностью отдельных частей, создавать крупные ансамбли, при этом по преимуществу «анфиладным» способом. Каждое произведение искусства стремится в той или иной мере «объять мир»: произведения литературы поражают своей энциклопедичностью, стремлением рассказать сюжет от начала и до конца, передать мировую историю

«от Адама» или от Вавилонского столпотворения. Произведения зодчества ориентируются на страны мира, а в своих росписях изображают мироустройство и священную историю мира. В литературе, живописи, зодчестве, даже в символической стороне прикладного искусства и, разумеется, в музыке, а также в стремлении политиков исходить из самых общих положений, на вечные времена, совершается своеобразная «концентрация вечности».

Одна из самых существенных и важных особенностей стиля эпохи заключалась в том, что этот стиль обладал чрезвычайно большой интегрирующей способностью. Элементы варварских искусств, восточных и традиционно-местных вливались в этот стиль, входили в него органической частью. Этому способствовал и ансамблевый характер стиля, и умение вбирать в себя прямо противоположные элементы по признаку сочетания контрастных явлений. Особенность эта в конце концов сделала возможным образование национальных форм культуры на общей почве культуры-посредницы.

В мою задачу не может входить выявление и определение этого «стиля эпохи». Это — задача чрезвычайно сложная и требующая усилия многих исследователей разнообразных специальностей. Мне необходимо лишь указать на самый факт существования этого «стиля эпохи» в древних культурах южных и восточных славян, так как это обстоятельство имеет принципиально важное значение в определении системы древнеславянских литератур.

Существованием «стиля эпохи» определяется связь литературы с другими искусствами, с другими эстетическими сторонами культуры. Литература в какой-то мере диффузна культуре, не успела еще приобрести четких границ, отделяющих ее от других, близких ей сторон культуры. «Законы внутреннего развития» действуют в ней слабее, чем в последующее время. Вот почему в ней нет еще и литературных направлений. Литературные направления появляются только тогда, когда начинает ослабевать влияние стиля эпохи. Тогда литература начинает проявлять свое стилистическое родство не со всеми сторонами человеческой культуры, а только с некоторыми, и круг этого родства все более сужается. В последнем из великих «стилей эпохи» — барокко — литература обнаруживает свое стилистическое родство со всеми явлениями человеческой культуры. Если мы и можем говорить о появлении в эпоху барокко первого литературного направления в литературе, а не только стиля эпохи, то потому, что литература барокко сосуществует с литературой, не имеющей отношения к барокко. Барокко не только стиль эпохи, но направление в литературе, так как часть литературы не подчиняется этому стилю эпохи: отражает традиционные явления в литературе или противостоит барокко другими — народными — формами. Классицизм в литературе имеет соответствия в зодчестве, музыке, живописи, прикладном искусстве. Но уже романтизм не имеет четких соответствий в зодчестве и прикладном

искусстве. Реализм исключает соответствия не только в зодчестве и прикладном искусстве, но и в музыке. В XX в. значение литературных направлений еще более сужается: некоторые из них замкнуты только пределами литературы или даже в пределах одного из видов литературы (символизм — в поэзии и отчасти драматургии). Таков путь «специализации» литературы.

Возвращаясь к древнеславянским литературам, мы должны отметить, что последние отнюдь не имели этого «специализированного» характера. Они были тесно связаны с другими искусствами и другими сторонами культуры, в частности и с фольклором.

Древнеславянские литературы и действительность

Любое отношение литературы к внешней ей среде — в том числе к иноязычным литературам, к фольклору, к другим искусствам, к религии, к наукам и т. д. — является отношением к окружающей ее действительности в широком смысле этого слова. Но в более узком и специальном значении под отношением литературы к действительности мы будем подразумевать в данном разделе доклада только ее отношение к исторической действительности, к социальной жизни. И то и другое отношение имеет существенное структурообразующее значение, однако последнее из них особенно важно, так как в конечном счете именно им определяется и отношение литературы ко всей остальной культуре в целом.

Литература вся целиком, как целое, и в своих отдельных частях зависит от действительности. Она зависит, получая от действительности и воздействуя на нее; зависит в своих внешних отношениях и внутренних, зависит содержанием и формой. При этом типы зависимости весьма разнообразны. Они подлежат особому изучению. В данном, заключительном разделе доклада я остановлюсь только на структурообразующих моментах этой зависимости.

Отношение литературы к исторической действительности может быть непосредственным и условным, опосредованным — опосредованным сознательной творческой волей писателя.

В опосредованном отражении действительности в литературе доминирует сознательная трансформация действительности в условные формы ее целостного отражения — отражения, подчиненного определенному художественному методу писателя, его творческой воле. В непосредственном же отражении действительности доминирует «невольное» перенесение отдельных фактов и элементов действительности в литературу. Анализируя это непосредственное отражение действительности в литературе, исследователь может составить себе более полное и даже более правдивое представление о действительности, чем то, которое сознательно стремился дать о ней писатель. Так, например, изучая ряд древнерусских литературных произведений (в первую очередь «Моление» и «Слово» Даниила Заточника), Б. А. Романов воссоздал относительно

полную картину древнерусской жизни⁶². Он сделал это главным образом на основании материалов неосознанного отражения действительности: не на основании того, что хотел автор сказать, какой он хотел представить действительность, а на основании подомолвок, обмолвок, случайных упоминаний и анализа всего хода мыслей Заточника. Образ князя в «Молении», образ «злой жены», тиуна — это плоды творчества Заточника, но образ самого Заточника, как он выясняется из исследования Б. А. Романова, — это исследовательская реконструкция на основе анализа всех творческих «ходов» Заточника, невольного отражения действительности в его произведении.

Любое литературное произведение включает в себе и непосредственное отражение действительности, и условное. Однако соотношение того и другого может быть в различных произведениях неодинаковым. В средневековых славянских литературах контраст непосредственного и условного отражения действительности несравненно более резок, чем в литературе нового времени.

В средневековых литературах мы можем заметить наличие целых жанров, в которых наряду с условным, художественным претворением действительности особенно заметную роль играют элементы непосредственного отражения действительности: это прежде всего исторические жанры (летописи, повести о княжеских преступлениях, исторические повести) и публицистические. В этих жанрах мы можем найти элементы реалистичности, в которых хотя и отражена художественная воля автора, стремящегося возможно детальнее изобразить случившееся, но все же относительно мало условности.

Наряду с таким непосредственным отражением действительности в средневековых литературах очень сильна тенденция к условному, «этикетному» преобразению действительности, к условным, идеализированным образам, к развитой символичности, аллегориям и пр. Два полюса условного и безусловного изображения действительности были в средневековой литературе выражены с особенной определенностью. И чем сильнее заявлял о себе полюс непосредственного отражения действительности, тем резче выступал в другой части литературы и в других ее жанрах полюс ее условного преобразования, стремления к созданию особого мира литературы, который должен был быть как бы вознесенным над действительностью и раскрывающим вечную сущность последней. Этот условный мир рисовали не только жития святых и другие жанры церковной литературы. «По элементам» он проникал в летописание, в исторические и бытовые повести, в проповеди и пр. Мир идеальный и мир реальный не только противостояли друг другу, но в известной мере были неразделимы. Жанры с преобладанием

⁶² Б. А. Романов. Люди и нравы древней Руси. Л., 1947; изд. 2. М.—Л., 1966.

непосредственного отражения действительности и жанры с преобладанием условного ее преобразования составляли целостную систему жанров, были необходимы друг другу.

В условном отражении мира внимание средневекового автора обращено на неизменяемые сферы или на те, которые представляются ему неизменяемыми, «вечными». В непосредственном же отражении действительности доминируют те стороны действительности, которые меняются, — злоба дня, все «суетное» по средневековым представлениям. Поэтому там, где литература связана с богословием, с церковью — прежде всего выступают условные формы отражения действительности, на первый план выносятся богословские понятия, представления, символы, изложение подчиняется литературному этикету. Там же, где литература имеет дело с политической борьбой своего времени, где она стремится не только осмыслить факты действительности, сколько их фиксировать, — условность отступает и все большее место занимает непосредственное отражение действительности, хотя надо сказать, что полнота этой непосредственности никогда не может быть достигнута — ни в средневековой литературе, ни в литературе нового времени. Некоторая условность остается, так как литература никогда не может слиться с действительностью или заменить собой действительность.

Формы условности, как и формы приближения к непосредственности в отражении действительности, могут иметь разную степень близости к действительности.

Поясню свою мысль о преимущественном отражении «временных» явлений действительности в ее безусловных формах, или формах, где условность проявляется относительно слабо, и об отражении «вечных» со средневековой точки зрения сущностей — в условных формах.

Летопись фиксирует отдельные моменты меняющейся действительности. Она связана с местностью и с определенными датами. Сведения даются ею о том, что изменилось, случилось, но не о том, что существует «всегда» (разумеется, это «всегда» — в средневековом понимании). Эти сведения «прикреплены» территориально и хронологически. В ней в сильнейшей мере сказывается непосредственное отражение действительности.

Другой тип отражения действительности в средневековой притче. В ней события не определены ни хронологически, ни территориально, по большей части нет прикрепления к конкретным историческим именам действующих лиц. Притча повествует о действительности в обобщенно-трансформированной форме. Она фиксирует то, что, кажется средневековому автору и читателю, существовало и будет существовать всегда, что неизменно или что случается постоянно.

Вот почему летопись входит в национальную литературу, а притча по большей части принадлежит литературе-посреднице, кочует из одной литературы в другую.

Существенно различаются степенью условности отражения действительности литература оригинальная и литература переводная. Мне уже приходилось писать о том, что открытый вымысел не допускался в древнерусской литературе. То же можно сказать и о литературах южнославянских — в частности, о церковнославянской литературе-посреднице⁶³. Но что значит «открытый» вымысел? Вот здесь и возникает важный «структурообразующий» момент. Древнеславянский автор не мог сознательно ввести в свое произведение вымысел. Во все, что он писал, он верил: он верил в чудо, совершившееся у мощей святого или на поле сражения, он верил в фантастические подробности жизни святого. Если он и не верил (искренность его веры сейчас, разумеется, уже невозможно проверить), то он по крайней мере делал вид, что верил. Поэтому в собственных сочинениях древнеславянского автора вымысел если и не отсутствовал (отсутствовать совершенно он, разумеется, не мог), то, во всяком случае, был сильно ограничен. Древнеславянский автор верил и «верил» во все то, во что полагалось верить христианину, но он не мог свободно вносить в свои произведения сказочную, мифологическую, литературную фантастику, усложнять сюжеты произвольными добавлениями, необходимыми с точки зрения развития сюжета, создания цельного образа героя. Фантазия средневекового писателя была ограничена тем, что может быть определено, как средневековое «правдоподобие». Это «правдоподобие» резко отлично от правдоподобия современного. Оно допускает чудо, но не допускает отступлений от хронологии, вымышленных имен, вымышленного времени, вымышленной топографии действия.

Однако так обстоит дело только в собственных произведениях древнеславянского писателя, иными словами — в древнеславянской оригинальной литературе. Но в литературе переводной то, что было в ней вымышленным, оставалось, не изгонялось и признавалось за «правду». От этого переводные произведения и оригинальные носили разный характер по своему отношению к художественному вымыслу. Так, например, переводные жития могли включать элементы, свойственные эллинистическому роману: элементы беллетристики, занимательности, приключенческого характера и пр. Но эти элементы не могли проникать в жития оригинальные даже в порядке литературного влияния. Нет сомнения, что приключения Александра Македонского в странах Востока, его встречи с рахманами, любомудрами, амазонками и пр. занимали и интересовали древнеславянских читателей. Свидетельство тому — обилие списков «Александрии» и наличие ее переработок на славянской почве. Но было бы совершенно невозможным ожидать

⁶³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, М.—Л. 1958, стр. 123.

появления новых романов подобного же типа в оригинальных древнеславянских литературах.

Перед нами важное отличие переводной литературы от оригинальной. Ограничения, налагавшиеся на оригинальную литературу, не существовали для переводной. В результате—известная незаменимость переводной литературы и ее огромная роль в составе литературы древнеславянской.

Переводная литература не может быть исключена из состава литератур национальных так, как это делается в отношении национальных литератур нового времени. Переводная литература отвечала потребностям читателей, не удовлетворявшимся литературой оригинальной. Сфера действия оригинальной литературы не совпадала со сферой действия переводной. Потребности, удовлетворявшиеся переводной литературой, не могли быть покрыты оригинальной литературой. Так же как фольклор и литература в известном отношении дополняли друг друга, дополняли друг друга переводная литература и оригинальная.

Резкое различие отдельных областей литературы в их отношении к действительности имеет существенное значение для понимания историко-литературного процесса средневековья. Изменения в литературе направляются развитием исторического процесса. Там, где действительность отражается в литературе трансформированной, она предстает перед автором в своей малоизменяемой части и не вызывает существенных изменений в литературе. Там же, где действительность отражается непосредственно или, вернее, относительно непосредственно, она отражается в своей изменяемой части, и она вызывает сильное изменение литературы.

Вот почему в литературе-посреднице изменения очень малы. Состав ее накапливается и сохраняется веками. Она мало меняет свой характер. Напротив, национальные части древнеславянских литератур меняются сильно и резко. Литература мало меняется в тех своих частях, которые связаны с теологией, и сильно меняется в исторических. Отсюда особое значение в истории литературы исторических жанров средневековья, их ведущее положение, их влияние на остальные области литературы. Отсюда же и ведущее значение публицистики. Несомненно, что богословская мысль и религиозные представления доминировали в литературе, но формирующее значение имели исторические и публицистические стороны литературы.

Изменения действительности захватывали своим движением прежде всего примыкающие к ней части литературы. Там, где «сцепление» с действительностью было больше, там литература была больше вовлечена в движение. Сцепления с действительностью было больше там, где было меньше условных форм ее отражения. Вот почему средневековые литературы южных и восточных славян были не только крайне разнородны в своем отношении к условному и непосредственному отражению действительности, но и крайне

неровны в степени своей изменяемости. Но из этого не значит, что литературу следует делить на «прогрессивную» и «консервативную» в этом ее отношении к действительности.

Непосредственное отражение действительности и условное не могут существовать друг без друга. Они взаимно уравновешены. Анализ литературы каждого данного периода как определенной системы не позволяет отрывать одну сторону литературы от другой. Литература — как рельеф, в котором глубина отдельных выемок материала создает высоту его нетронутых частей. Чем глубже условное преобразование действительности в литературе, тем выше в ней и непосредственное отражение действительности. Обращение к «вечности» создавало благоприятные условия для существования «литературы действительности» — исторической и публицистической. Литература-посредница находилась в тесной связи с литературой оригинальной. Быстрое движение последней «по пятам» изменяющейся исторической действительности контрастировало неподвижным точкам литературы-посредницы.

* * *

Заключая доклад, мне бы хотелось обратить внимание на следующее обстоятельство. Сложный характер структур древних южно- и восточнославянских литератур (в качестве образца в докладе использовалась по преимуществу древнерусская литература, как наиболее полно представленная сохранившимися памятниками) объясняется прежде всего слабой отграниченностью их от других сфер духовной деятельности человека, нечеткими границами с фольклором, с изобразительными искусствами, с литературой, с наукой и пр. В структуре древнеславянских культур доминируют открытые вовне формы и открытые формы внутри (нечеткие границы между жанрами, их иерархический строй, отсутствие четких границ между произведениями, ступенчатость индивидуально-авторского начала и пр.). Литература не имеет четкой сферы своего действия. Она вторгается в область религии и науки. Она не имеет строгих национальных границ. Ее развитие неравномерно: в одних жанрах оно более быстро, в других — более медленно. Фольклор и литература не отграничены друг от друга, а дополняют друг друга, имеют в какой-то мере общую, дополняющую друг друга систему жанров: в этой системе жанров отсутствуют дублирующие жанры; литература не может самостоятельно существовать без фольклора, так как не удовлетворяет всех потребностей общества в художественном слове. Законам исторического развития литератур в условиях этой «открытой» структуры литератур мною будет посвящена особая работа.